

Хуа Чжао всегда так думала, но лишь в этот миг осознала: она действительно не ненавидит Се Фу. Она не желала упиваться тоской и терзать себя лишь потому, что когда-то выбрала не того человека.

Однако обида на него всё же жила в ней — глубоко внутри, затянутая рубцами. Казалось, она должна была навеки остаться в тени, но сегодня Ши Ушэ легким движением сорвал этот покров, и боль, долго сдерживаемая, наконец вырвалась на свободу!

Хуа Чжао положила руку на худощавое плечо Заики и расхохоталась так, что едва не согнулась пополам, а в уголках глаз выступили слёзы.

У этой дряни тоже настал черный день! Поистине, пути Небесного Пути неисповедимы, и никто не уйдет от возмездия!

Цзи Ша в изумлении уставилась на Хуа Чжао и не выдержала: Ты что, с ума сошла?

Ты, ты, не, не пойдешь, не остановишь их? — Цзи Ша подтолкнула её. Хотя говорила она с трудом, в мыслях крутилось: ты ведь всегда бросалась разнимать даже дерущихся на улице собак, почему же сейчас, когда Второй старший брат и младший брат Се схватились не на жизнь, а на смерть, ты смеешься, словно обезумела?

Услышав это, Хуа Чжао немного умерила свой пыл: А разве плохо быть безумной? В этом мире счастливее всех именно сумасшедшие!

Уровень совершенствования Цзи Ша был еще ниже, чем у Хуа Чжао, и она даже не помышляла о том, чтобы вмешаться, боясь попасть под горячую руку. Поэтому две девушки прильнули к стене, наблюдая, как на той стороне небо и земля содрогаются от их битвы.

Хуа Чжао, глядя на это, причмокнула и толкнула Заику локтем: Есть сладости?

Смотреть на представление без угощения — половина удовольствия пропадает.

Цзи Ша, увлеченная зрелищем, тут же достала из-за пазухи бумажный сверток. Там были купленные в городе пирожные — не слишком изысканные, приторно-сладкие. Она собиралась съесть их на завтрак, но от такой сладости у неё самой слипалось во рту.

Хуа Чжао ущипнула кусочек, отправила в рот и довольно приподняла бровь — такая степень сладости была ей по душе.

Она принялась запихивать угощение в рот, почти жадно, словно голодала несколько дней. И её нельзя было винить: она не знала, сколько провела в той белой пустоте, но давным-давно не пробовала ничего сладкого. Она уже почти с ума сходила от желания.

Пусть эти пирожные и не были шедевром, но сладости в них хватало с избытком.

Цзи Ша смотрела, как Хуа Чжао жуёт, раздув щеки, совершенно не заботясь о приличиях, и её миндалевидные глаза округлились, как медные колокольчики.

Ты, ты... — разве ты не всегда ела медленно и с достоинством, вечно критикуя других за то, что они едят, как звери?

Хорошо еще, что язык у Цзи Ша заплетался, иначе она бы наверняка допекла Хуа Чжао насмешками до того, что та поперхнулась бы.

Хуа Чжао не помнила, как сильно раньше держала фасон «бессмертной девы». Она не могла обходиться без Пилюль Пигу, но принципиально не ела обычную еду, создавая вокруг себя ауру недосыгаемости — и всё лишь потому, что её отец был алхимиком и пилюль у неё было вдоволь.

Так или иначе, даже такая простушка, как Цзи Ша, не одобряла этого позерства. Мужчинам-культиваторам она, может, и нравилась, но среди женщин её не жаловали.

Сейчас же, видя, как Хуа Чжао набила щеки и с трудом проглатывает куски, Цзи Ша пожалела, что у неё нет Нефрита видеозаписи — чтобы запечатлеть это для истории. Пусть потом посмотрит на себя, прежде чем снова строить из себя небожительницу.

Хуа Чжао, жуя и наблюдая за жаркой битвой, заметила, что Цзи Ша смотрит не на драку, а на неё, и вопросительно хмыкнула.

С набитыми щеками её миловидное личико стало похоже на хомяка, укравшего орех. Она, конечно, не знала, о чем думает подруга — в конце концов, она уже четыреста лет не могла вспомнить, чем именно раньше всех раздражала.

Цзи Ша скосила глаза с явным презрением, а Хуа Чжао подумала, что та расстроилась, потому что она съела её еду.

Хуа Чжао подняла руку, перепачканную крошками, и с добротой бабушки, гладящей внука, потрепала Цзи Ша по голове: Как закончат драться, я куплю тебе еще, не злись... Пфу!

От её слов крошки разлетелись в стороны. Цзи Ша, чью голову продолжали гладить, не успела увернуться, и её волосы оказались в крошках. Она пришла в ярость, открыла рот, чтобы отчитать обидчицу, но...

Увы, маленький кролик остается кроликом, даже если прижмет уши — на волка он не похож. К тому же, из-за запинающегося языка, после долгого ты-ты-ты она так и не смогла вымолвить ни слова.

Хуа Чжао сунула ей в рот кусок пирожного, прервав её попытки. Цзи Ша не ожидала такого, но выплевывать угощение не стала.

Она оказалась прижата к пышной груди Хуа Чжао, так как была ниже ростом. Теперь она лишилась дара речи окончательно, лишь закашлялась от неожиданности.

Хуа Чжао похлопала её по спине. Цзи Ша слабо брыкалась, но вскоре перестала сопротивляться. Она не знала, что нашло на Хуа Чжао — то ли голод, то ли еще что, — но такое поведение подруги ей было даже по душе.

А Хуа Чжао, обнимая свою заикающуюся подругу, вовсю наслаждалась зрелищем.

Она подумала, что Ши Ушэ, этот широкоплечий и суровый на вид человек, на самом деле оказался таким коварным. Используя стадию Закладки Основания, он подавлял Се Фу, играя с ним, как кошка с мышью, но при этом не нанося серьезных увечий.

Однако вихри, создаваемые его мечом, превратили ученическое одеяние Се Фу в лохмотья. С такого расстояния казалось, что Се Фу — облезлая птица в лохмотьях.

На душе у Хуа Чжао стало необычайно легко.

В прошлой жизни она никогда не видела Се Фу в столь жалком виде. Его внешность и манеры всегда были образцом, вызывающим восхищение у женщин и зависть у мужчин. Даже враги, желая унижить его, максимум могли нанести пару ударов плетью, но не доходили до безумия, чтобы срывать с него одежду.

Хуа Чжао гордилась внешностью Се Фу, но чем дальше, тем сильнее ей хотелось, чтобы он споткнулся. Чтобы узнал, что такое горе и людская злоба, и перестал задирать нос до самых небес.

Сейчас, должно быть, ветер гуляет по его открытому телу, и он сполна ощущает злобные намерения Ши Ушэ — и то, что этот мир не так уж прекрасен.

Хуа Чжао пришлось по вкусу эта слегка подлая и мелочная манера Ши Ушэ. Может, это и не очень благородно, зато как приятно!

Но человек всегда склонен терять бдительность на пике радости.

Хуа Чжао смеялась, пока вдруг не почувствовала холод в руке. Она опустила взгляд и замерла.

С запозданием пришла боль: на её руке, словно от удара клинком, появилась глубокая рана!

А! — вскрикнула она.

Она в ужасе смотрела на разрез: мышцы обнажились, но кровь не шла, и рана на глазах начала затягиваться, словно её и не было. Однако боль никуда не делась. Хуа Чжао дотронулась до места, и её лицо исказилось от муки.

Цзи Ша не заметила странностей подруги, она смотрела на ход битвы в другом дворе: Второй старший брат! Слишком жесток! У Се Фу... рука!

На руке Се Фу действительно выступила кровь. Стоит заметить, что драки между соучениками были строго запрещены, а пролитие крови — тем более серьезное преступление!

Хуа Чжао, услышав слова Цзи Ша, машинально посмотрела на руку Се Фу, но не успела ничего разглядеть, как вдруг почувствовала холод в поясице!

Тут же пришла острая, жгучая боль. Она ощупала спину: одежда была цела, но она была уверена, что на коже появилась такая же рана, как на руке!

Что это, что это такое?!

Неужели тело, которое ей создал Небесный Путь, такое хрупкое?! Почему оно просто так трещит по швам?!

В этот момент во дворе Се Фу, не желая признавать поражение, собрал силы для атаки, но Ши Ушэ снова с силой впечатал его в землю. В этот момент вихрь, превратившийся в острое лезвие, оставил на спине Се Фу длинный разрез!

Кровь быстро пропитала его изорванную одежду. Се Фу, вцепившись в меч, который не мог поднять, скрежеща зубами, сумел подняться на колени. Его глаза, словно у волка, впились в Ши Ушэ — он был готов стереть его в порошок.

Вихри продолжали кружить вокруг Се Фу. Тот стоял на коленях, выпрямив спину, не желая склониться. Весь его вид был воплощением слова Непокорность.

Маска Ши Ушэ разбилась во время боя. Его прекрасное лицо было холодным, как лед, а в глазах цвета глазури сквозило высокомерие — он смотрел на Се Фу как на муравья.

Он опустил взгляд, словно безжалостный Яма, и вынес приговор: Смерть без помилования.

Его голос был лишен эмоций, но от него бросало в дрожь: Ты поднял руку на соученика. Согласно законам Зала Правосудия, ты должен быть наказан сотней ударов плетью, чтобы другим было неповадно.

Это было настолько подло, что даже соученики, подошедшие, чтобы вмешаться, вздрогнули. Ши Ушэ сначала поглумился над ним, а теперь собирается его пороть!

Однако они с ужасом осознали: Се Фу действительно первым начал драку и ранил соученика.

Хотя все знали, что Се Фу напал, потому что младшая сестра Хуа Чжао вышла из комнаты Второго старшего брата — очевидно, что между ними... что-то было. А Ши Ушэ на глазах у Се Фу поцеловал Хуа Чжао, явно провоцируя его!

Какой мужчина терпит, если его возлюбленную целует другой?

Но когда Ши Ушэ достал из Сумки для хранения Плеть Наказания, ученики притихли, как цаикады осенью, не смея даже просить о пощаде.

У Ши Ушэ были лисьи, слегка раскосые глаза, но сейчас в них застыл такой холод, что он казался тем самым демоническим чиновником из Царства призраков Хуанцюань, который безразлично отрывает головы грешникам и с хрустом их пережевывает.

Ши Ушэ действительно возглавлял Сысин в Секте Меча Цинлин. Кто из учеников, отправившихся в этот поход, не бывал в Зале Правосудия? Кто не получал наказаний от него?

Они боялись даже дышать громко. Лишь Се Фу продолжал держать спину прямо. Он посмотрел на Ши Ушэ и вдруг улыбнулся. Он всегда был таким: чем сильнее злился, тем мягче выглядел.

Его голос прозвучал чисто и отчетливо, но в нем слышались странные, почти ласковые нотки.

Он произнес: Второй старший брат, ты поистине подл.

Сегодня Ши Ушэ явно намеренно спровоцировал его на нападение, а теперь хочет использовать это как повод для порки.

Ши Ушэ даже бровью не повел. Он слегка дернул Плеть Наказания — своё истинное оружие под названием Чернохвост.

Ши Ушэ не практиковал меч, или, вернее, не был в этом силен. Его стихией была плеть. Чернохвост был выкован из костей водяного дракона, прожившего тысячи лет. Каждое звено могло стать отдельным лезвием, способным разрубить всё на свете.

Но в собранном виде это была черная костяная плеть, невероятно гибкая и грозная.

Она служила инструментом наказания в секте Цинлин не просто так: после смерти дракона

часть его сознания осталась в костях и была запечатана при ковке. Поэтому удары этой плетью не оставляли следов на теле, но причиняли невыносимую боль, воздействуя прямо на душу.

Можно сказать, это было оружие, созданное специально для культиваторов.

Сто ударов такой плетью — при нынешнем уровне Се Фу, если даже душа не расколется, он будет тяжело ранен.

Это было слишком жестоко.

Ученики раньше считали Второго старшего брата лишь строгим и нелюдимым, но теперь их пробрал холод.

Он что... решил сжить Се Фу со свету? Из-за Хуа Чжао?

Второй старший брат... — тот самый ученик с кошачьими глазами не выдержал и тихо позвал, пытаясь убедить его, но стоило Ши Ушэ бросить на него взгляд, как он замер, не в силах вымолвить ни слова.

Хм, — усмехнулся Се Фу. В этом звуке не было яда, лишь нежность, словно он обращался к любовнику.

Он сидел на коленях во дворе, и хотя его одежда была порвана, а волосы растрепаны, он сохранял вид сосны в тумане — пусть и потрепанный, но не сломленный.

Из-за того, что кожа местами была обнажена, а на ней виднелись раны и кровь, он выглядел особенно уязвимым. Две девушки-ученицы даже не могли отвести от него взгляд.

Ши Ушэ, видя это, поднял руку, и вихри, окружавшие Се Фу, рассеялись, превратившись в духовную силу.

Но как раз в тот момент, когда Ши Ушэ собрался по праву поднять Чернохвост, чтобы сломать прямую спину Се Фу, Хуа Чжао, охваченная паникой, перевалилась через стену. Превозмогая боль в руке и спине, она бросилась к Се Фу.

Она кричала: Не надо!

Второй старший брат, не надо! Убери плеть!

Не бей Се Фу!

Это не было пробуждением совести.

Ей было ужасно плохо! Она поняла, что её таинственные раны и боль совпадают с теми местами, где Се Фу был ранен вихрями.

Это значило лишь одно: если этот внук Се Фу получит рану, ей тоже будет больно!

Она больше не могла наслаждаться закусками и зрелищем. Как бы она ни радовалась страданиям Се Фу, она не могла представить, как будет выглядеть, если он получит удар плетью по душе, а она будет кататься по земле, корчась в муках!

Да что же это за карма такая!

Глава 6: Разделение судьбы

Хуа Чжао в мыслях проклинала всех предков Се Фу до восьмого колена, но, чтобы не страдать без причины и, что важнее, не дать Ши Ушэ и Се Фу — Сыну Небесного Пути — стать кровными врагами, она помчалась к ним.

Раньше в книгах она читала, как мужья заставляли жен с любовниками, и те защищали своих пассий, доводя супругов до бешенства.

Сравнивая это со своей ситуацией, Хуа Чжао подумала, что её история куда интереснее!

Когда она, словно насадка, раскинула руки, заслоняя собой Се Фу, Ши Ушэ уже занес Чернохвост. Окутанный ревом дракона и острыми вихрями, он обрушился на них.

Хуа Чжао знала, что увернуться не выйдет, поэтому просто развернулась и обняла Се Фу, решив использовать его как щит и принять удар на свою спину. Не то чтобы она хотела получить побои, но раз боль неизбежна — если Второй старший брат увидит, что попал по ней, он наверняка сдержится.

Се Фу не ожидал, что Хуа Чжао так безрассудно бросится под удар. Плеть была уже рядом. Хотя при виде того, как Хуа Чжао защищает его, невозмутимое лицо Ши Ушэ дрогнуло, но плетью длиной в девять чи неслась как молния, и даже если он хотел остановить её, было уже поздно.

В самый критический момент Се Фу, который до этого с трудом опирался на меч, внезапно отпустил его, обнял Хуа Чжао и, изогнувшись в невероятном прыжке, поменялся с ней местами.

Ши Ушэ из последних сил попытался остановить удар, успев лишь отозвать духовную силу с

плети, чтобы она ранила только тело, но не задела душу.

Даже так удар был сокрушительным. Хуа Чжао почувствовала, как мир перевернулся, и упала на землю.

Се Фу накрыл её своим телом, защищая голову и лицо. Его спина, уже израненная вихрями, приняла удар плети, похожей на стальной клинок. Громкого звука не было, лишь тихий, вызывающий зубную боль треск рвущейся кожи.

Тихий звук С-с-с... Первой мыслью Хуа Чжао было: Конец! Сейчас будет больно!

Но не успела она почувствовать муку, как в её губы попало что-то горячее и солоноватое.

Эта влага коснулась кончика языка, став самой сладкой в мире амброзией, и мгновенно растаяла во рту.

В голове Хуа Чжао стало пусто. Всё тело словно окунулось в теплую воду, тепло разлилось от кончика языка по всем жилам. Она чувствовала себя так, будто съела целую горсть первоклассных целебных пилюль, воспарив в небеса.

Вся боль исчезла, и даже голова, ушибленная прошлой ночью, приятно зачесалась.

От этого блаженства она на мгновение потеряла связь с реальностью.

Чао-чао? — раздался в ушах чистый голос Се Фу. Хуа Чжао вздрогнула и пришла в себя. Се Фу вытирал пальцем кровь с её губ.

Ты как? — голос Се Фу всегда был слишком приятным, мягким, как вода, совсем не таким, как холодный, пронизывающий, словно ледяной шип, голос Ши Ушэ.

Хуа Чжао раньше часто думала: как у такой дряни может быть такой обольстительный голос? Даже когда он говорил гадости, казалось, что у него есть на то причины.

Хуа Чжао сглотнула слюну, на языке еще оставался вкус божественного нектара. Она увидела, что Се Фу смотрит на неё с искренней заботой. В отличие от яростных глаз Ши Ушэ, у Се Фу были персиковые глаза, способные свести с ума.

Эти глаза, на кого бы они ни смотрели, даже если в них не было чувств, всегда дарили ощущение участия. А если добавить к этому хоть каплю реальной заботы, можно было полностью потерять разум, желая жить и умереть ради него.

Хуа Чжао сама когда-то поддавалась очарованию этих глаз, но то было в прошлой жизни. Сейчас, глядя на его обеспокоенное лицо, она лишь хотела дать ему пощечину.

Однако сейчас важнее был не Се Фу. Хуа Чжао, опираясь на руки, поднялась и посмотрела на Ши Ушэ. Встретившись с его взглядом, она поняла: всё кончено.

Если бы взгляд Ши Ушэ мог стать материей, он превратился бы в раскаленное железо, выжигая на её лице клеймо Непостоянная.

Всё пропало.

Её рис, который она так долго варила, уже был почти готов! Она не успела сделать ни глотка, как сама же разбила чашу!

Ши Ушэ не был тем, с кем можно играть. Судя по тому, что он сделал сегодня, если бы Хуа Чжао не вмешалась, он бы по праву отходил Се Фу так, что тот — как и сам Ши Ушэ в прошлой жизни после удара Колоколом Подавления Духа — пять лет не встал бы с постели!

Мольбы о пощаде застряли в горле, и Хуа Чжао выдавила лишь: Второй старший брат...

Ши Ушэ не стал больше смотреть. Его лицо было пугающе холодным, на висках и руках вздулись вены, а пальцы, сжимавшие плетъ, мелко дрожали.

Он не мог описать свои чувства. Ярость, словно тигр, рвала его изнутри.

Он не мог оставаться здесь ни секунды, иначе убил бы Се Фу, а потом запер бы свою дорогую младшую сестру в каком-нибудь месте, чтобы она хорошенько подумала и поняла, что его, Ши Ушэ, лучше не злить!

Но на самом деле он ничего не сделал. Развернулся, убрал плетъ, не взглянув больше на лежащих на земле Хуа Чжао и Се Фу, и быстро покинул двор.

Хуа Чжао хотела вскочить и побежать за ним, но сначала должна была выяснить, что происходит между ней и Се Фу!

Она повернула голову к Се Фу. Ученики, которые раньше боялись вмешаться, теперь толпой бросились помогать им подняться.

Цзи Ша из соседнего двора тоже прибежала, подхватила Хуа Чжао, долго собиралась с духом, но так и не вымолвила ни слова, лишь сложила руки в поклоне.

Восхищаюсь!

Железная леди!

Так водить за нос Второго старшего брата и Се Фу!

Еще не было случая, чтобы наказание, назначенное Ши Ушэ, было прервано. Раньше соученики пытались просить за других или принять наказание на себя, но Ши Ушэ лишь наказывал их еще суровее.

<http://bllate.org/book/22424/2354331>